

ФИЛОНИМИЧЕСКИЕ ЗООМЕТАФОРЫ В ИНТИМНОМ ОБЩЕНИИ

В статье рассматривается группа зоометафор, выступающих в функции филонимов - ласкательных имен - в интимном общении влюбленных. Автор определяет семантические потенции филонимов-фаунонимов, обосновывает ценностные предпочтения социума во взаимном переименовании, коротко касается словообразовательных особенностей филонимов.

Ключевые слова: ласкательный вокатив, филоним, диминутив, метафора, зоометафора, фауноним, метонимия, речь влюбленных

Интимное общение партнеров основано на их близких отношениях, выражающих трепетные чувства друг к другу, имеющих высокую степень синтонности и эмоциональности, достижение которой предполагает использование интимизированных вербальных знаков, которые Р. Барт гениально назвал "словами вместо пальцев" [Барт 1999: 200]: они столь же осязаемо "прикасаются" к партнеру, передавая ему тепло и ласку.

Одним из наиболее важных признаков интимного общения является признание необыкновенной ценности объекта любви, его аксиологической ядерности. Она приводит к необходимости подбора уникальных номинаций партнера, подчеркивающих его выделенность, выражающих ласку и сексуальную притягательность. Вслед за М. Эпштейном [Эпштейн 2006] мы называем такие номинации филонимами (*греч. philia* "любовь" + *onima* "имя"), в любовном дискурсе они функционируют как речевые афродизиаки: влюбленные наркотизируют себя, повторяя их как мантру любви, как заклинание.

Прикосновение-окликание партнера ласковыми именами (*Häsli, Zuckerm Maus, Feelein*) подчеркивает абсолютную единственность адресата, выражает его бесконечное обожание. Креативность выражающих нежные чувства партнеров при создании новых филонимов не имеет границ, поэтому их список не остается неизменным: влюбленные придумывают все новые и новые ласкательные вокативы, кроме того, любое слово может в некоторой ситуации превратиться в филоним и тогда появляются *Atömchen, Fünkchen, Frätzchen, Früchtchen, Cherry, Confetti* и т.п.

Разнообразие филонимических номинаций основано в первую очередь на отношениях семантической деривации, самым частым и традиционным преобразованием в ее рамках является метафорический перенос, в котором, безусловно, превалирует субъективное начало во взгляде на сравниваемые объекты, новое значение именуемого слова является результатом ассоциативных связей между цветом, формой, вкусом, функциями объектов сравнения и обладает широчайшим спектром прагматических возможностей: эстетических, оценочных, стилистических и экспрессивных.

Наибольшее количество филонимических метафор представляют собой фаунонимы *Hähnchen, Igelchen, Lämmlein, Äffchen, Bärchen (Bärlein), Bienchen, Entchen, Hummelchen, Täunchen, Spatzi, Schnecke* и под. Зоометафоры не

являются принципиально новым образным средством для характеристики человека, но в частном коде влюбленных они не столько отражают национальную специфику культуры, представителями которой являются партнеры по интимному общению, сколько представляют собой особый микромир, функционирующий по своим законам, раскрывающий характерные особенности парной картины мира влюбленных.

Филонимы-фаунонимы, употребляемые в общении влюбленных, неоднородны. С одной стороны, в качестве ласкательных слов здесь используются зоометафоры, называющие крупных хищных животных (*Tiger, Bär, Löwe*). Основой такой зоометафоры является стереотипный признак животного, легко осмысливаемый в сознании говорящих: большой, сильный, опасный. Эти филонимы адресуются мужчине, за ними, как правило, скрывается глубинное семантическое согласование характеристики человека и определенных особенностей животного: большой и сильный как медведь. Но в общении влюбленных это согласование трансформируется под воздействием "оптического и хроматического сдвига" в мировосприятии" [Воркачев 2007: 51]: сверхценность объекта любви, его идеализация превращает мужчину, большого и сильного во внешнем мире, в плюшевого мишку, укрощенного любимой женщиной, позволяющего называть себя *Bärchen* со всеми возможными вариациями (*Bärlein, Bärli/-e, Blubsibär, Bubblebär, Bärlibär, Brausebärchen, Flauschibärchi, Furzelbärchen, Glücksbärchi, Grizzlybärchen, Grinsebär, Knuddelbär, Knutsche-/Knutschibär(chi), Kuschelbär(chen), Knuffelbär, Kosebärchen, Krötenbär, Liebhabbär, Pu-Bär, Puhbärchen, Pupsbär, Purzelbär, Puschelbärchen, Patschibär, Sahnebärli, Teddybär, Tatzenbärli, Technobärli, Waschbärchen, Zottelbärchen*). Несмотря на присутствующий во всех приведенных филонимах "медвежий" компонент, они исключительно индивидуальны и не экстраполируются на любую ситуацию романтического общения, поскольку они ситуативно характеризуют особенности отдельно взятого мужчины. При этом характерные особенности новоименоваемого, которые объективно нельзя назвать положительными, идеализируются и представляются любящему в свете, отличном от того, какими их видят посторонние люди: *Chaosbärchen* - медведь, не приученный к порядку, *Zottelbärchen* - медведь-растрепка и т.д. Таковы розовые очки любви: "принимаемое светом за "объективное" я принимаю за искусственное, принимаемое же им за безумие, иллюзию, заблуждение - за истину" [Барт 2015: 88].

Другая группа филонимов-фаунонимов включает обозначения небольших зверушек, птиц и насекомых: *Biene/-chen, Fröschi/-li, Hase/-i, Hähnchen, Honyspatz, Igel, Katerle/-chen, Marienkäfer, Maus/-i, Maulwurf, Haselmausi*. Особое место среди них занимают имена от названий животных, вызывающих в обычной жизни скорее отвращение, чем приятные ощущения (*Maus, Käfer, Frosch, Laus, Wurm, Motte, Ratte*), поэтому их существование в качестве филонимов не вписывается в классическую теорию метафоры с постулированным сходством между областью источника и областью цели. Факт их филонимического использования доказывает точку зрения о том, что в

созданном влюбленными идеализированном мире действует специфическая эстетическая норма, мотивы которой трудно поддаются экспликации. Субъективная варьированность оценочных значений зоометафор определяется неподконтрольным эмоциональным отношением говорящего к адресату, немотивированным и свободным от объективности. Однако влюбленные, осознавая несовпадение внешней и индивидуальной оценки лежащего в основе переноса наименования животного, все-таки дополняют такие филонимы "приятным" компонентом *Zucker-, Gold-, Herz-, Zauber-*, "улучшающим" общее значение слова: *Goldkäferchen, Herzkäferchen, Honiglaus* и под. Негативность, присущую основному значению этих лексем, нейтрализуют, кроме того, диминутивные суффиксы *-chen, -lein, -i, -le/-li, -che/chi, -erl*, реализующие специфическое значение положительной эмоциональной оценки (*Würmli, Zicklein, Zaubermausi* и т.п.). Многообразие синонимичных суффиксов, выполняющих одну и ту же функцию вербального "прикосновения" к адресату, М. Эпштейн объясняет, опираясь на мысль П.А. Флоренского о связи между морфологическим строением слова и энергией семени: "Имя, как семя, ищет размножения, самоповтора. Не только лексическое значение слова, но и его грамматическая форма энергичны и чувственны по своему воздействию. <...> Любящая душа певуча, а милых имен так мало, и тогда душа начинает его множить, выпевать на все новые лады" [Эпштейн 2006].

Среди фаунонимов второй группы встречаются единицы, семантическая структура которых включает не только метафорический, но и специфический метонимический перенос *pars pro toto*, - это метафоры, называющие часть животного - его лапку, хвост, ухо или даже зуб: *Hasenpfötchen, Hasenöhrchen, Hasen-/Mausezähnen, Hasenzeh, Mausechwänzchen, Mauseherzchen, Mausefüßchen, Mausebeinchen, Igelschnäuzchen* и под. Рационально объяснить такой странный выбор лексемы для называния любимого человека (как правило, женщины) трудно, если не невозможно. У непосвященного объективного наблюдателя эти формы вызовут в лучшем случае смех и неприятие. Но ведь язык влюбленных и не предназначен для всех, это язык для двоих, которым нет дела до общественного мнения. В нем есть некая ласковая насмешливость, это "атопичный" нежный, воркующий, голубиный язык, не принимающий "общие места", не соответствующий стереотипам. Такого типа милые ("няшные", как сказали бы представители современной молодежи) филонимы не имеют ничего общего со страстным эросом, в них проявляется исполненная нежности филия в сочетании с любовью-игрой людусом [Hedrick-Hendrick 1986: 393]. Влюбленный мужчина рассматривает свою избранницу как объект защиты и заботы, маленькое беспомощное существо, вызывающее бесконечное умиление, при обращении к которому требуется крайняя диминутивность. В использовании таких вокативов проявляется та самая "бесконечная метонимия" нежности, когда "каждая часть тела любимого, даже до крайности неуловимая (чуть выщербленный зуб, прядь волос и пр.), вызывает изумление и обожание" [Барт 2015: 172].

Непостижимой для восприятия внешнего наблюдателя является еще одна группа зоометафор-композит с компонентом (определяемым или

определяющим), обозначающим в "нормальной" жизни стилистически маркированное обозначение громких выделений газа кишечника: *Pup(s)* с вариациями *-pupsi*, *-püpschen*: *Hasenpfurz/-pups (Hasipups)*, *Pupsmaus/-bär*. Путь развития семантики этой единицы очевиден: первоначально она использовалась только по отношению к грудным детям, неспособным сознательно регулировать отправления своего организма. Далее произошел, очевидно, метонимический перенос - с действия, непроизвольно совершаемого младенцем на самого младенца, в результате которого возникла прочная когнитивная связь между словом и образом пухлого розовощекого крепыша (в этом значении слово было заимствовано русским языком, ср.: *пупс*, *пупсик* - *кукла в виде маленького голого ребенка*). Далее на основе этого нового значения происходит развитие филономической семантики слова *Pups* - метафорический перенос на любимого человека, который предстает при таком обозначении существом, нуждающимся в заботе. В использовании такого необычного варианта ласкательного имени в очередной раз проявляется уже упоминавшийся факт "слепоты" любви: мозг влюбленного человека теряет способность к критическому анализу окружающей действительности и с восторгом принимает качества объекта своего обожания, которые в других людях вызывают у него неприязнь или даже отвращение. Поэтому следует просто акцептировать наличие таких, казалось бы, малопригодных филонимов и подивиться силе воображения влюбленных, для которых даже физиологические подробности деятельности организма получают определения с наивысшей степенью положительной оценки: *Honigpupscherchen*, *Schatzipupsi*. Ведь важно, что такие филонимы выполняют свою главную - эмотивную - функцию и выражают ласку, нежность, симпатию по отношению к именуемому, а их внутренняя форма становится практически невостребованной, как, впрочем, и в филонимах, акцентирующих отрицательно оцениваемые "нормальными" людьми особенности внешности и характера, ср. *Dickerchen*, *Brummel*, *Flusspferd*. Интимное общение, закрытое для окружающего мира, превращает речь посвященных в "языковое месиво", "область смятения, где языка одновременно оказывается и слишком много и слишком мало" [Барт 2015: 278]. Необходимость выразить много смыслов в одной форме заставляет влюбленных искать нешаблонные средства вербального "поглаживания".

Завершая этот небольшой и далеко не полный обзор особенностей филономических зоометафор, хочется еще раз обратить внимание на факт, что новонареченный партнер в интимном общении - идущее от сердца стремление, не имеющее однако ничего общего с логикой: любое слово, даже с самой негативной семантикой, сказанное с нежностью и придыханием, способно трансформировать свое значение в его полную противоположность: из оскорбления в ласкательное имя (ср. *Schwein* и *Schweinchen*), "обескураживая" классическую теорию метафоры своей незакономерностью. И тогда незелегантный на первый взгляд элемент словаря влюбленных ("телячьи" нежности) становится очаровательным, игривым и оригинальным.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт. М.: Ad Marginem, 1999. 215 с.
2. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
3. Эпштейн М. Любовные имена. Введение в эротониимику [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Октябрь. №7. 2006. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2006/7/ep12.html>
4. Hedrick C. A Theory and Method of Love / C. Hedrick, Hendrick S. // Journal of personality and social psychology. 1986. Vol.30. Nr. 2. P. 392-402.

N.A. Trofimova (Saint Petersburg, Russia)

PHILONYMIC ZOOMETAPHORS IN THE INTIMATE COMMUNICATION

The article deals with a group of zoometaphors which are acting in the intimate lovers talk as pet names or philonyms. The author defines the semantic potency of zoometaphoric philonyms, substantiates the value preferences of society in mutual renaming. The article also covers word-building features of philonyms.

Key words: endearing vocative, philonym, diminutive, metaphor, zoometaphor, metonymy, lovers talk